

Надежда Алейникова

Истина ЖИЗНИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Надежда Павловна Алейникова

Истина жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73463953

SelfPub; 2026

Аннотация

Девушка со светлыми волосами , невероятная красotka, голубые глаза, рядом стоит парень высокий Каштановые густые волосы, локон, падающий на лоб. От него исходил хороший аромат, терпкий, с нотками корицы

Надежда Алейникова

Истина жизни

Истина жизни

Предисловие

Вы когда-нибудь думали о своём будущем? Может, задумывались о прошлом, которого не помнили, или возможно интересовались тем, что было задолго до вашего рождения? Эти вопросы мучают многих, особенно главную героиню романа, который вам предстоит прочесть.

На этот роман меня надоумил кое-кто особенный. В самом содержании вы всё обязательно поймёте. Не знаю, сколько будет длиться это всё, не знаю, не устану ли я писать, не устанет ли мой мозг придумывать и красиво складывать слова. А самое главное, интересно: даже сейчас я пишу с мыслью о том, что, возможно, это никому не понравится. Дай Бог дописать мне.

Речь в первой главе пойдёт о начале пути главной героини, о маленьких моментах, которые стоит запомнить, о незначительных вещах, которые в итоге стали важнее чего-либо. И со слезами хочется ощутить это вновь. О том, что с каждым днём жизнь будет давать испытания всё труднее и труднее.

Глава 1

В 1990 году в Псэле, городе белых ночей и несбывшихся

надежд, начинается история любви... или, скорее, её трагическое подобие.

Двадцатилетняя Линда живёт с семьёй в тесной хрущёвке. Отец работает сутками, практически не появляясь дома. Я не знала, где он работает, и предпочитала не знать. Слишком часто по городу ходили шепотки об арестах, обысках... Лучше не задавать лишних вопросов.

Моя мать сидела дома и смотрела за младшим братом – всего нас было четверо. Достаток отца был невелик, но на жизнь хватало. Каждое утро я включала газовую плиту и стирала бельё в ледяной воде, присматривала за младшим братом, пока мать хлопотала по дому.

Каждый вечер перед сном я стояла у окна и наблюдала за жизнью. Я видела счастливые лица и даже слёзы – слёзы какой-то женщины. Возможно, у неё умер муж или сын, возможно, у неё смертельная болезнь, а может, это слёзы счастья? В тусклом свете фонаря лица прохожих казались размытыми масками. Откуда-то доносился пьяный смех, обрывки песни... Когда на улице темнело и вдали мельком виднелись какие-то огни, они казались чудесными. Смотря на них, я невольно вздыхала, мечтая о чём-то большем, чем эта тесная, унылая жизнь.

Встав утром, я зашла на кухню, где сидела вся семья, даже отец. Привычные серые лица, потухшие глаза – давно на их лицах не было улыбок. Сев за стол, я невольно взглянула на отца. Он, отвернувшись, тяжело вздохнул и произнёс:

– Линда, меня уволили с работы. Наше дело закрыли. У нас нет денег!

Резкий стук кулаком по столу взбудоражил всех. Отец был в гневе. Смотря на него и не веря своим ушам, я словно оборвалась внутри и прошептала:

– Что... что же мы будем делать?

Я чувствовала, как из-под ног уходит мир. Холодный страх сковал сердце. Отец лишь махнул рукой, давая понять, что сам не знает.

С тех пор жизнь превратилась в ад. Семья сводила концы с концами. Отец отказывался идти работать в другое место, потому что не умел ничего, кроме этого, да и кто возьмёт человека с таким прошлым? Мать не могла работать, да и не особо хотела.

Однажды отец объявил страшное решение: он выдаёт меня замуж не по моей воле!

Я упала на колени. Слезы текли беззвучно, обжигая щёки. Внутри было пусто, словно кто-то вырвал сердце. Я хотела кричать, но крик застрял в горле, превратившись в бессильное хныканье. Отец отказывался меня слушать, заявив, что некая семья, в которой есть молодой человек, выкупила меня. Посмотрев на мать, я ничего не увидела в её глазах. Было ощущение, что ей всё равно на меня. И было всегда.

Младший брат не понимал, что происходит, поэтому я сказала ему, что полюбила и уезжаю с этим человеком в далёкое путешествие.

И через неделю меня везли в неизвестное место. Последний вечер в Псэле выдался серым и дождливым. Я сидела на кровати, сжимая в руках маленький узелок с вещами, и смотрела, как за окном барабанит по стеклу вода. В комнату заглянул брат.

– Линда, – позвал он тихо. – Ты не спишь?

Я покачала головой. Он подошёл ближе, забрался на кровать и прижался ко мне. От него пахло улицей, пылью и тем особенным детским запахом, от которого у меня всегда сжималось сердце.

– Ты правда уезжаешь? – спросил он, глядя на меня своими огромными, чистыми глазами.

– Правда, – ответила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Но я вернусь. Обязательно вернусь. И заберу тебя.

Он молчал, теребя край моей кофты. Потом вдруг сунул руку в карман своих штанов и вытащил что-то маленькое, потёртое.

– На, – сказал он, протягивая мне старую, сломанную машинку. – Это моя любимая. Возьми её с собой. Чтобы ты не забывала меня.

У меня защипало в глазах. Я взяла машинку, сжала в ладони.

– Я никогда тебя не забуду, – прошептала я. – Ты – всё, что у меня есть.

Он обнял меня крепко-крепко, уткнулся носом в плечо. Я чувствовала, как он дрожит.

– Не плачь, – сказала я, глядя его по голове. – Я приеду за тобой. Обещаю.

Мы сидели так до глубокой ночи, пока он не уснул у меня на руках. Я смотрела на его безмятежное лицо и молилась, чтобы у меня хватило сил сдержать обещание.

Утром, когда за мной приехала машина, я поцеловала его в лоб и положила машинку ему под подушку. *«Я вернусь, – прошептала я. – Я всегда возвращаюсь».*

И вышла, не оглядываясь.

Страх парализовал. Я не произнесла ни слова за всю эту неделю и, казалось, не собиралась. Боль душила – родители продали меня. Но я пыталась себя убедить, что у них не было выбора.

Целых два дня длилась поездка. Поначалу я билась в истерике, постоянно плакала, а потом смирилась и просто молчала. Наконец, после двух мучительных дней, машина остановилась.

– Приехали, – так сухо бросил водитель, словно каждый день возит проданных девушек. Или просто старается не замечать, что творится у него в салоне. Какая ему разница, в конце концов? Получил свои деньги и вези.

С тревогой я огляделась: это был Тизиан. Я жадно втянула в себя незнакомый воздух, пропитанный запахом дорогого табака, сладкого, отдающего вишней, но в то же время давящего на горло. Было приятное ощущение того, что я в трактире, где много дорогого алкоголя. Даже трубы заводов ды-

мили, словно заядлые курильщики. Город казался шумным и многолюдным после столь тихой, мучительной поездки.

Выходя из машины, я огляделась. Вокруг были дома, высокие и неприступные. В голове мелькнула мысль о брате. Как он там? Наверное, играет во дворе, не подозревая, что его сестра уже никогда не вернётся. Я отогнала эту мысль, понимая, что должна быть сильной. Ради него.

Пройдя немного вперёд, я подняла голову. Напротив стоял солидный мужчина. Кажется, это отец жениха решил меня встретить. Чёрный костюм, белая рубашка – роскошь, которую было тяжело представить там, где я жила, но, казалось, здесь так ходит каждый второй. *«Рядом с ними моё существование выглядит жалко...»* – промелькнуло в голове.

Я подошла, не поднимая глаз. Мужчина молча взял меня под руку и повёл за собой. Куда? Неважно. Всё равно моя воля больше ничего не значила. Теперь моя жизнь принадлежала другим. И только им решать, как ею распорядиться.

Мужчина остановился и произнёс:

– Я отдал большие деньги твоему отцу за тебя и думаю, не зря. Брак по расчёту очень выгоден. У тебя будет всё.

Я подумала о том, что мне это не нужно. Я хотела любить и быть любимой. От его слов я ничего не почувствовала, лишь пустоту.

– Мы пришли, – сказал мужчина.

Передо мной возвышался частный дом, огромный и роскошный, словно сошедший со страниц иностранного журна-

ла. От его размеров перехватило дыхание, а в груди скрутилась тугой клубок страха. В воздухе витал густой аромат цветущей сирени, но я чувствовала лишь запах чужого богатства и собственной беспомощности.

На пороге дома стоял парень, примерно двадцати лет. Кажется, это и есть тот самый жених... Было нетрудно понять: он очень статен, высок, красив, страшно богат, как и его отец. Каштановые густые волосы, локон, падающий на лоб. От него исходил хороший аромат, терпкий, с нотками корицы.

Пока я думала об этом, он приблизился, склонился и поцеловал мне руку. От этого прикосновения по коже пробежал ледяной озноб. Его красота казалась холодной и отстранённой, как лёд.

– Следуй за мной, – произнёс он и, не дожидаясь ответа, вошёл в дом.

Внутри дом оказался ещё более роскошным, чем снаружи. Высокие потолки, хрустальные люстры, тяжёлые портьеры... Казалось, я попала в золотую клетку. Или в жизнь моей мечты. Было непонятно.

– Арсений, – представился он. – Друзья зовут Арс. А вас как зовут?

Услышав его имя, я невольно улыбнулась. Арсений... Звучало как что-то из другой эпохи, но в то же время в его голосе было что-то приятное.

– Что смешного? – взглянул он и спросил.

– Ничего, просто у тебя довольно интересное имя. Я – Линда.

– Линда? – Он произнёс моё имя медленно, словно пробуя на вкус.

Арсений резко дёрнулся и пошёл, словно выходя из гипноза.

– Пойдём, покажу наш дом.

Дом оказался бесконечными коридорами и комнатами. Настоящий лабиринт, который можно изучать годами. Арсений, судя по его уверенной походке, знал здесь каждый уголок.

Закончив экскурсию, он пригласил меня на ужин. Я почувствовала урчание в животе: с тех пор как я уехала, мой желудок был пуст. Еда оказалась восхитительной. На столе стояли изысканные блюда, о которых я раньше только слышала: рыба, фрукты, привезённые издалека, даже турецкие сладости, такие как рахат-лукум.

– Линда, расскажите о себе что-нибудь? – спросил отец Арсения.

– Пап, перестань, она устала, – с пониманием сказал Арсений.

Мне действительно было нехорошо, и чувство усталости давало о себе знать, но ради приличия я решила ответить и задать вопрос.

– Всё нормально. Но у меня вопрос... Как вы купили девушку, о которой ничего не знаете?

– Линда, мы... – робко начала мать Арсения.

Она выглядела очень хорошо, несмотря на свои годы: хорошая укладка, дорогая одежда, но на лице всё-таки виднелись морщинки и усталость.

Я прервала её:

– Не надо. Не нужно объяснений. Всё и так понятно.

В этот момент я почувствовала на себе взгляды, полные осуждения и презрения. Глаза Арсения были пустыми и отстранёнными, словно он сам не понимал, что происходит. Он опустил голову, и в этот момент я почувствовала не злость, а... жалость?

Встав из-за стола и отойдя, я почувствовала на руке холодное прикосновение. Это оказался Арсений.

Я резко выдернула руку и ощутила, будто прикоснулась к чему-то грязному. Ярость, копившаяся внутри, вырвалась наружу:

– Да как ты смеешь меня касаться? Вы же так хорошо живёте, значит, и правила приличия знаете! Или у вас тут семейное – делать всё, не спрашивая?

Гнев был настолько силён, но понимание, что я в чужом доме, остановило меня в самый последний момент.

Он ушёл, не сказав ни слова, будто не видел в этом смысла. А внутри я чувствовала отчаяние. Почему мне стыдно за то, что я сказала? Ведь я здесь не по своей воле.

Всё вокруг казалось завесой тумана. От непонимания я опустилась на ступени лестницы и заплакала. Мне захоте-

лось сейчас почувствовать объятия мамы. От этого стало ещё хуже. Груз на плечах стал невыносимым. Вспомнилось, что даже мать не остановила отца от продажи собственной дочери.

Встав и пройдя по коридору, я увидела первую попавшуюся дверь и зашла в неё. Это была небольшая комната с двухспальной кроватью, ковром. Тусклый свет лишь освещал помещение, поэтому без раздумий я погрузилась в сон.

Ночь пролетела незаметно. В тёплой кровати под мягким одеялом спалось сладко.

Стук в дверь.

– Линда, вставай, – произнёс Арсений.

Я не хотела выходить из комнаты, потому что было стыдно за вчерашнее, за то, что наговорила Арсению.

– Линда! Ты уснула в моей комнате! Мне нужно переодеться, и мы пойдём с тобой прогуляемся.

Услышав это, я сгорела от стыда. Осознание того, что ночь проведена в чужой мужской комнате, обрушилось на меня волной жара. Не говоря ни слова, я выскочила из комнаты и побежала по коридору не оглядываясь.

– Линда! Твоя комната в другой стороне! – догнал меня насмешливый голос Арсения, сочащийся иронией.

Я почувствовала, как щёки вспыхнули огненным пламенем. Молча развернулась и пошла в указанную сторону.

Переодевшись в спешке, я услышала, что Арсений будет ждать меня на улице. Когда мы встретились, я решила заго-

ворить первой:

– Я хотела сказать по поводу вчера... Прости.

– Ничего страшного, это мне надо просить прощения. –
Арсений вздохнул. – Пойдём.

Мы шли по набережной Тизиана молча. Город шумел где-то позади, а здесь, у воды, было тихо, только чайки кричали да плескались волны. Арсений выглядел уставшим – не той показной усталостью, когда человек хочет, чтобы его пожалели, а по-настоящему опустошённым. Словно внутри него давно всё выгорело.

Мы сели на скамью, с которой открывался вид на реку. Солнце уже садилось, и вода казалась расплавленным золотом. Красиво. Но у меня внутри была только пустота. Я думала о младшем брате, о том, как он там, и злилась на себя, что вообще куда-то пошла с ним. С одним из тех, кто меня купил.

– Линда, – неожиданно тихо сказал он. – Ты, наверное, ненавидишь меня.

Я повернула голову. Он смотрел не на меня, а куда-то вдаль, на воду.

– А ты как думаешь? – ответила я жёстче, чем хотела.

– Я бы себя ненавидел, – усмехнулся он. – Но я хочу, чтобы ты кое-что поняла. Я не выбирал эту жизнь. И тебя не выбирал. Но выхода у меня нет.

– Выход есть всегда, – отрезала я. – Ты же не раб. У тебя деньги, связи. Мог бы просто уехать.

Он долго молчал. Потом медленно повернулся ко мне, и в его глазах я увидела такую боль, что мне стало не по себе.

– Думаешь, я не пробовал? – глухо произнёс он. – Когда мне было девятнадцать, я сказал отцу, что сам выберу себе жену. Что не хочу быть частью их... дел. На следующее утро ко мне в комнату вошли двое. Я их раньше не видел. Такие... безликие. Один сказал спокойно, будто о погоде: *с вашим другом детства может случиться несчастный случай*».

У меня перехватило дыхание. Я хотела сказать, что это просто запугивание, но он продолжил:

– С Глебом мы дружили с пяти лет. Он работал учителем физкультуры в обычной школе, ничего не знал о наших делах. Я тогда не поверил. Послал их. А через неделю его сбила машина. Насмерть. Водитель не нашёлся.

Он сжал кулаки так, что побелели костяшки. Я смотрела на него и не могла вымолвить ни слова. В голове билась одна мысль: это правда. Он не врёт.

– Это было не предупреждение, – продолжал Арсений, и голос его звучал глухо, будто из пустоты. – Это был приговор. Мне объяснили: если я не послушаюсь, следующей может быть мама. Или кто-то ещё. У отца везде связи – менты, бандиты, судьи... всё одно. Поэтому я больше не спорю. Поэтому я два года отказывался от всех невест, пока не понял: если не женюсь, они уберут меня самого. Инсценируют самоубийство или посадят за то, чего я не делал. Им нужен послушный сын или мёртвый сын. Третьего не дано.

Он замолчал и отвернулся. Ветер трепал его волосы, но он не замечал. А я сидела и чувствовала, как внутри всё переворачивается. Этого не может быть. Он такой же пленник, как я? Только его клетка из золота, а моя – из нищеты?

– Прости, – вдруг тихо сказал он. – Что втянул тебя в это. Ты имеешь право меня ненавидеть.

Я хотела ответить резко, сказать что-то злое, но вместо этого спросила:

– А мать? Она тоже... заодно с ними?

– Она пыталась меня защищать, – горько усмехнулся он. – Пока не поняла, что сама под колпаком. Теперь просто молчит и делает вид, что всё хорошо. Иначе её тоже...

Он не договорил. Да и не нужно было.

Мы сидели молча, пока совсем не стемнело. Где-то вдали зажглись огни, и город засверкал, равнодушный и чужой. А я думала о том, что мир совсем не чёрно-белый. И что враг иногда оказывается таким же раздавленным, как ты.

– Пойдём, – сказал Арсений, поднимаясь. – Холодно становится.

Я встала и пошла за ним. И впервые за всё время мне захотелось не ударить его, а... дотронуться до его руки. Просто чтобы он знал: я слышу. Я понимаю.

Но я не дотронулась. Пока не дотронулась.

Мы вернулись в дом, когда уже совсем стемнело. В окнах горел свет, но он казался мне теперь не таким чужим. Арсений у двери моей комнаты задержался на секунду, хотел что-

то сказать, но лишь кивнул и ушёл.

Я закрыла дверь, прислонилась к ней спиной и закрыла глаза. В голове был полный хаос. Но одно я знала точно: завтра я начну искать способ. Не сбежать – а спасти всех. И его тоже.

Глава 1.2

Я редко вспоминала то время, когда была маленькой. Слишком много боли было в тех воспоминаниях. Но иногда, в тихие вечера, когда за окном шумел дождь, а рядом мирно посапывал Арсений, я позволяла себе провалиться в прошлое.

Мне было лет шесть, когда я впервые осознала, что наша семья не такая, как у других. У других детей были красивые платья, игрушки, родители, которые улыбались. У меня была мама, которая всё чаще сидела с мутным взглядом, и отец, которого мы почти не видели.

– Мам, а почему папа не приходит? – спросила я однажды.

Она даже не повернулась. Сидела у окна и смотрела в одну точку.

– Работает, – ответила безжизненно.

Я тогда не понимала, что значит «работает» сутками. Теперь понимаю: он работал на Валерия. Делал грязную работу, за которую платили деньги. Деньги, которых всё равно никогда не хватало.

Брат родился, когда мне было одиннадцать. Мама лежала в больнице неделю, а я сидела дома одна, грела на плитке консервы и боялась, что плита взорвётся. Когда её привезли с маленьким свёртком, я впервые увидела в её глазах что-то похожее на жизнь.

– Смотри, Линда, это твой брат, – сказала она, протягивая мне крошечное существо.

Я взяла его на руки и чуть не заплакала. Он был такой маленький, такой незащитный. Его пальчики сжимались в кулачки, а глазки смотрели куда-то вдаль, ещё не видя этого мира.

– Я буду заботиться о тебе, – прошептала я. – Обещаю.

Мама продержалась недолго. Месяца через три она снова начала пить. Отец приходил всё реже. А я осталась с братом на руках.

Помню, как впервые пошла в магазин с последними деньгами. Мне было двенадцать. Я купила молоко и хлеб, а по дороге встретила мальчика из соседнего двора. Его звали Коля. Он был на год старше, и я всегда тайком на него заглядывалась.

– Привет, Линда, – улыбнулся он. – А что это у тебя?

– Молоко, для брата, – ответила я, краснея.

– Ты всегда с ним? А погулять?

– Некогда, – вздохнула я.

Он посмотрел на меня с какой-то странной нежностью.

– Ты сильная, – сказал он. – Я таких не встречал.

Потом он уехал. Родители забрали его в другой город. А я осталась. И продолжала заботиться о брате.

Отец появлялся редко. Когда появлялся, часто был пьян или зол. Иногда он приносил деньги, иногда просто лежал на диване и молчал. А потом начались те ночи, о которых я старалась не вспоминать.

Первый раз случилось, когда мне было тринадцать. Я проснулась от того, что чья-то рука гладит меня по ноге. Я закричала, но он зажал мне рот.

– Тихо, – прошептал отец. – Ты же моя дочь. Ты должна быть послушной.

Я вырывалась, плакала, но он был сильнее. Потом он ушёл, а я свернулась калачиком и рыдала до утра. На следующий день я сбежала к соседке, сказала, что боюсь грозы. Соседка приютила, но через два дня я вернулась. Куда мне было идти?

После этого он приходил ещё несколько раз. Я научилась уходить из дома ночью, прятаться в подъезде или у подружки. Но страх остался навсегда. Страх перед темнотой, перед мужскими руками, перед близостью.

Когда я встретила Арсения, этот страх всколыхнулся снова. Но он был другим. Он не давил, не требовал, он ждал. И постепенно я начала доверять.

Но те ночи я никогда не забуду.

Мне было пять, когда я впервые увидел Глеба. Мы жили тогда в старом районе, ещё до того, как отец разбогател. Наш дом стоял на окраине, рядом с пустырём, где мы, дети, играли в футбол.

Глеб был новеньким. Он вышел во двор с мячом, и сразу все на него накинулись – чужой, значит, надо проверить. Я стоял в стороне, потому что всегда держался особняком. Меня не трогали, потому что боялись моего отца, хотя тогда я ещё не понимал, почему.

Глеб отбивался ловко, но их было трое. Я не выдержал, подошёл и врезал одному из нападавших. Тот упал, остальные отступили.

– Ты чего? – спросил Глеб, вытирая кровь с губы.

– А чего они? – пожал я плечами. – Несправедливо.

Так мы познакомились. А потом стали неразлучны.

Глеб был из простой семьи. Его отец работал на заводе, мать – медсестрой. Они жили в маленькой квартирке, но там всегда пахло пирогами и уютом. Я любил бывать у них. Мои родители вечно были заняты, а у Глеба меня ждали, кормили, расспрашивали.

– Арсений, ты как наш, – говорила его мать, накладывая мне вторую порцию.

Я чувствовал себя почти счастливым.

У нас было тайное место – старый гараж в конце улицы. Там мы построили шалаш из досок и старых покрывал. Приносили туда свечи, книги, карты. Мечтали о будущем.

– Вот вырастем, – говорил Глеб, – уедем далеко-далеко. На море. Будем рыбачить, жить в маленьком домике.

– А я буду писателем, – добавлял я. – Напишу книгу о нашей дружбе.

– А я буду её читать и плакать, – смеялся Глеб.

Мы часами могли обсуждать, как назовём свои яхты, какие девушки будут нас ждать, как мы прославимся. Это было глупо, по-детски, но так тепло.

Однажды в школу пришли какие-то люди. Они поговорили с директором, а потом меня вызвали к доске. Спросили про отца, про его дела. Я ничего не знал, но почувствовал неладное.

Вечером рассказал Глебу.

– Не бери в голову, – сказал он. – Твой отец – бизнесмен. У всех бизнесменов есть враги. Главное, что ты не такой.

Он ошибался. Я был такой. Я был сыном своего отца, даже если не хотел этого.

Когда мне исполнилось шестнадцать, отец начал брать меня с собой на «встречи». Я видел людей, которые смотрели на меня с подобострастием, и других, которые боялись. Я понимал, что всё это неспроста, но молчал.

Глеб пытался меня расшевелить.

– Арсений, не становись таким, как они, – говорил он. – Ты хороший. Помни об этом.

Я помнил. Но с каждым днём становилось всё труднее.

А потом случилось то, что случилось. Когда я сказал от-

цу, что не буду участвовать в его делах, что хочу жить своей жизнью, он усмехнулся. А через неделю Глеба сбила машина.

Я стоял у его могилы и не верил. Его мать рыдала, отец стоял, как каменный. А я думал: это я виноват. Если бы я не лез, если бы молчал, он был бы жив.

Прости меня, Глеб. Я не смог тебя защитить.

Глава 2

Линда уже несколько дней живёт в доме, привыкает к обстановке, но всё ещё чувствует себя чужой. Арсений стал чуть мягче, они иногда переглядываются, но Линда держит дистанцию. И тут – звонок в дверь.

В доме было тихо. Отец Арсения уехал по делам, мать, кажется, отдыхала в своей комнате, а сам Арсений читал что-то в гостиной. Я сидела на кухне, пила чай и смотрела в окно, когда раздался резкий, настойчивый звонок.

Арсений нехотя отложил книгу и пошёл открывать. Я не придала значения – мало ли кто там, может, прислуга или доставка. Но через секунду я услышала его удивлённый голос:

– Вы... к кому?

А потом в прихожую влетела она.

Я выглянула из кухни и замерла.

Девушка была примерно моего возраста, но выглядела так, словно сошла с обложки западного журнала. Длинные светлые волосы локонами спадали на плечи, ярко-красная

помада, глаза подведены так, что казались кошачьими. На ней было короткое пальто, а в руке – огромный чемодан, явно дорогой, из тех, что в Псэле никто и не видел.

Она даже не взглянула на Арсения. Прошла мимо него, как сквозь пустое место, бросила чемодан посреди прихожей и крикнула вглубь дома:

– Пап! Я приехала!

У меня челюсть отвисла. Арсений стоял столбом и смотрел то на неё, то на меня, будто спрашивая: «*Что происходит?*»

Из кабинета вышел отец Арсения – Валерий Петрович. Он взглянул на девушку совершенно спокойно, без тени удивления.

– Приехала, – констатировал он сухо. – Хорошо. Комната на втором этаже, крайняя справа.

Девушка довольно улыбнулась, подхватила чемодан и, прежде чем уйти, окинула меня таким взглядом, словно я была тараканом, случайно заползшим в её будущее жильё.

– А это кто? – спросила она, кивнув в мою сторону.

– Будущая невестка, – так же сухо ответил Валерий Петрович.

– Ого, – усмехнулась она. – Арсений, а ты прогрессируешь. Раньше хоть из приличных семей выбирал, а теперь...

Она не договорила, но взгляд, брошенный на мою простую одежду, сказал всё. Я вспыхнула, но промолчала.

Девушка ушла наверх, а Арсений наконец обрёл дар речи

и повернулся к отцу:

– Кто это? Почему я не знал?

Валерий Петрович поправил манжету рубашки и бросил равнодушно:

– Твоя сводная сестра. Алиса. От моего первого брака. Она будет жить с нами. Вопросы?

Арсений выглядел так, будто ему дали пощёчину. Он переводил взгляд с отца на лестницу, куда ушла Алиса, и обратно.

– Но... ты никогда не говорил...

– А должен был? – холодно оборвал его отец. – Это не обсуждается. Живите дружно.

Он развернулся и ушёл в кабинет, оставив нас с Арсением в прихожей.

Мы стояли молча. Я смотрела на Арсения и впервые видела его таким растерянным.

– Ты правда не знал? – тихо спросила я.

– Понятия не имел, – выдохнул он и провёл рукой по волосам. – Ладно... разберёмся.

Но я почему-то была уверена: с этой Алисой «разобраться» будет очень непросто. Через пару дней после приезда Алисы в доме устроили званый ужин. Приехали какие-то важные люди в дорогих костюмах, с жёнами, увешанными бриллиантами. Я должна была помогать прислуге накрывать на стол, но Алиса настояла, чтобы я присутствовала за ужином.

– Пусть все видят нашу будущую невестку, – сладко улыбалась она, но в глазах горел злой огонёк.

Я надела простое платье, которое мне выдали, и села за стол рядом с Арсением. Он сжал мою руку под столом, ободряя.

– Линда, расскажите о своей семье, – попросила одна из дам. – Вы, кажется, из Псэла?

Я кивнула, чувствуя, как горят щёки.

– Да, из Псэла.

– Боже, какая глушь, – усмехнулась дама. – А чем занимаются ваши родители?

– Они... они уже умерли, – соврала я, не желая вдаваться в подробности.

– О, бедняжка, – пропела Алиса. – Наверное, вы очень страдали в этой дыре. Но теперь у вас есть всё. Правда, Линда?

Она подняла бокал, и все за ней. Я чувствовала себя экспонатом в зоопарке.

После ужина, когда гости разошлись, Алиса подошла ко мне в коридоре.

– Ну как, понравилось быть центром внимания? – прошипела она. – Запомни: ты здесь никто. Просто кукла, которую можно нарядить и показать. Не забывай об этом.

Я промолчала. Но внутри закипало. Через несколько дней я готовила для Арсения небольшой подарок – связала шарф. Простой, из тёмно-синей шерсти. Я хотела подарить его на

день рождения.

Алиса застала меня за этим занятием.

– Ой, какие нежности, – протянула она. – Вяжешь своему принцу?

Я не ответила, продолжая вязать.

Она подошла ближе, взяла шарф в руки, покрутила.

– Дешёвка, – бросила она. – Как и ты.

И вдруг дёрнула за нитку. Шарф начал распускаться.

Я вскочила.

– Ты что делаешь?!

– Ой, случайно, – усмехнулась она. – Извини, я неловкая.

Внутри меня что-то оборвалось. Я шагнула к ней и со всей силы толкнула. Алиса вскрикнула, ударилась спиной о стену.

– Ты... ты посмела?!

– Ещё раз тронешь мои вещи, – процедила я, – я не посмотрю, что ты сестра Арсения. Я сделаю тебе больно. Обещаю.

В её глазах мелькнул страх. Она быстро ушла. А я осталась стоять, тяжело дыша. Впервые я дала сдачи. И это было чертовски приятно.

На следующее утро я спустилась в столовую, надеясь, что этот день будет тихим. Но стоило переступить порог, как поняла: тишины не жди.

За длинным столом уже сидели все. Валерий Петрович, как обычно, уткнулся в газету. Елена Васильевна помешивала чай, глядя в одну точку. Арсений сидел с каменным ли-

цом. А рядом с ним, на том месте, где вчера ещё никого не было, развалилась Алиса.

При моём появлении она медленно окинула меня взглядом, словно прикидывала, сколько я могу стоять на барахолке.

– О, явилась, – протянула она с приторной улыбкой. – А мы уж думали, ты решила взять выходной. Хотя... тебе же теперь можно. Ты же здесь, кажется, гостья?

– Я не спала, – ответила я, садясь как можно дальше от неё. – Просто не хотела никому мешать.

– Мешать? – Алиса театрально прижала руку к груди. – Дорогая, ты нам не мешаешь. Ты нас развлекаешь. Это же надо: привезти девушку из какой-то дыры, где люди, наверное, даже вилок не видели, и пытаться выдать её за невесту. Арсений, ты точно уверен, что это твой выбор?

Арсений поднял на неё тяжёлый взгляд.

– Алиса, заткнись.

– Ой, какие мы грубые, – засмеялась она, но в глазах мелькнула злость. – Я просто хочу познакомиться с будущей родственницей. Линда, расскажи о себе. Чем ты занималась до того, как тебя... хм... пригласили?

Я сжала под столом край юбки.

– Помогала маме, следила за младшим братом. Обычная жизнь.

– Обычная жизнь, – повторила Алиса, словно пробуя слова на вкус. – Это, наверное, когда денег нет, а надежды – тем

более. Бедненькая.

Валерий Петрович опустил газету ровно настолько, чтобы бросить на неё взгляд поверх очков.

– Алиса, оставь человека в покое. Не начинай.

– Я и не начинаю, папочка, – она сделала ударение на последнем слове, и в нём почудилась насмешка. – Просто интересно, как быстро наша новая знакомая привыкнет к хорошей жизни. Или не привыкнет.

Она встала, демонстративно поправила платье и вышла, бросив на прощание:

– Увидимся за ужином, мышка.

Я сидела, чувствуя, как горят щёки. Елена Васильевна поднялась и бесшумно выскользнула вслед за ней. Валерий Петрович снова уткнулся в газету. И только Арсений смотрел на меня, и в его глазах была такая усталость, что я на секунду забыла про обиду.

– Не обращай внимания, – тихо сказал он. – Она просто проверяет границы.

– У неё хорошо получается, – ответила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

– У неё большой опыт, – усмехнулся он. – Но ты держись. Я... я постараюсь её приструнить.

Я хотела сказать, что не нуждаюсь в защите, но промолчала. Потому что на самом деле очень нуждалась.

После завтрака я решила прогуляться по дому, чтобы хоть немного успокоиться. Дом был огромным, и я ещё плохо

знала расположение комнат. Завернув за угол, я нос к носу столкнулась с Алисой.

Она стояла, прислонившись к стене, и явно ждала меня.

– О, а вот и наша Золушка, – протянула она, преграждая путь. – Куда спешим? К принцу? Или в подвал – мышей ловить?

– Я просто иду к себе, – ответила я, пытаюсь обойти её.

Она шагнула следом, снова загораживая дорогу.

– Не торопись. Дай рассмотрю тебя поближе. И что Арсений в тебе нашёл? Худющая, бледная, одета... ну ты поняла. Денег у тебя нет, связей – тоже. На что ты рассчитываешь?

– Я ни на что не рассчитываю, – сказала я, стараясь говорить спокойно. – Меня сюда привезли не по моей воле.

– Ой, не смейся, – фыркнула она. – Все вы так говорите. А сама небось уже мечтаешь о фате и бриллиантах. Так вот, мышка, мечтать не вредно. Только запомни: здесь всё решает папа. А папа терпеть не может, когда кто-то путается под ногами. И если ты будешь слишком заметной... – она провела пальцем по своей шее, – могут быть неприятности.

Я смотрела на неё и вдруг увидела то, чего не замечала раньше. Под всей этой бравадой, под дорогой одеждой и яркой помадой прятался страх. Её глаза на секунду стали пустыми и затравленными, как у зверька, который знает, что его могут придавить в любую минуту.

– Ты сама боишься, – тихо сказала я. – Чего? Или кого?

Алиса дёрнулась, будто я ударила её.

– Не твоё дело, – прошипела она. – И запомни: если ты кому-то расскажешь про наш разговор, я сделаю так, что твоя жизнь здесь станет адом. Я умею, поверь.

Она отступила и быстро ушла, стуча каблуками. А я осталась стоять, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Она права: ад уже начался.

Вечером, вернувшись в свою комнату, я обнаружила, что дверь приоткрыта. Я точно помнила, что закрывала её утром. Внутри всё похолодело.

Я толкнула дверь и замерла.

Мои вещи – немногочисленные платья, которые мне выдали в этом доме, – валялись на полу. Кто-то перерыл всё, смял, разбросал. А на тумбочке не было маленькой деревянной шкатулки, которую я привезла с собой.

В ней лежал дешёвый медальон – подарок брата.

Я вылетела в коридор и нос к носу столкнулась с Алисой. Она выходила из своей комнаты, сладко потягиваясь.

– О, какие люди, – пропела она. – Что такой вид? Случилось что?

– Ты заходила ко мне, – выпалила я, сжимая кулаки.

– Я? – она изобразила удивление. – С чего ты взяла? У меня своих дел полно. Может, это домовый шалит? Говорят, в старых домах водится.

– Верни шкатулку, – процедила я.

– Какую шкатулку? Ты про эту? – она вытащила из кармана мою вещицу и покрутила в пальцах. – Боже, какое старьё.

Деревяшка какая-то. Ты серьёзно это хранила?

– Отдай, – я шагнула к ней.

– А то что? – Алиса спрятала шкатулку за спину. – Побежишь жаловаться Арсению? Или папочке? Они тебе не поверят. Ты тут никто, поняла?

В этот момент из-за угла появился Валерий Петрович. Он остановился, окинул нас взглядом.

– Что за шум?

Алиса мгновенно изменилась в лице, стала ангельски невинной.

– Папа, ничего страшного, мы просто разговаривали. Линда потеряла какую-то безделушку, а я пытаюсь ей помочь. Правда, Линда?

Я смотрела на неё, и во мне всё кипело. Но Валерий Петрович смотрел на меня, ожидая ответа.

– Да, – выдавила я. – Просто потеряла. Извините.

Он кивнул и ушёл. Алиса довольно усмехнулась, сунула шкатулку обратно в карман и прошептала:

– Умная девочка. Так и живи.

Она ушла, а я осталась стоять, чувствуя, как слёзы подступают к глазам. Но я не заплакала. Не сейчас. Я поклялась себе, что верну своё. И не только шкатулку.

После ужина я вышла в сад. Здесь, среди старых яблонь и кустов сирени, можно было хоть ненадолго забыть, что я в золотой клетке. Воздух пах ночной свежестью и увядающими цветами. Где-то далеко ухал филин.

– Не спится?

Я вздрогнула. Арсений стоял в двух шагах, засунув руки в карманы, и смотрел на меня. В полумраке его лицо казалось бледным, почти прозрачным.

– Не знала, что ты тут, – ответила я.

– Я часто сюда прихожу, когда хочу побыть один. – Он сел на скамейку рядом, оставляя между нами приличное расстояние. – Место силы, знаешь ли. Здесь отец не достаёт.

– А мать?

Он усмехнулся.

– Мать уже давно ничего не решает. Она просто живёт здесь, как... как мебель. Иногда мне кажется, что она боится даже дышать громко.

– Мне её жаль, – сказала я и сама удивилась своим словам.

– Себя пожалей, – резко ответил он, но тут же смягчился. – Прости. Я не хотел. Просто... эта Алиса. Она ещё та штучка.

– Ты знал, что она приедет?

– Нет. – Он покачал головой. – Отец никогда не рассказывал о первом браке. Я вообще не знал, что у меня есть сестра. Думал, он всю жизнь с матерью прожил. А оказалось... Впрочем, какая разница? Она здесь, и это факт.

– Чего она хочет?

Арсений долго молчал, глядя на тёмное небо.

– Не знаю. Может, денег. Может, власти. А может, просто хочет быть нужной. Как и все мы.

Повисла тишина. Где-то в траве стрекотал сверчок, пахло ночными цветами. Я смотрела на звёзды и думала о брате. Интересно, видит ли он сейчас то же небо?

– Линда, – неожиданно тихо сказал Арсений. – Ты не думай, что я слабак. Я знаю, ты, наверное, смотришь на меня и думаешь: *«Он живёт в золоте, у него всё есть, а он поет»*. Но я правда... я правда пытался что-то изменить. Просто иногда обстоятельства сильнее.

– Я не думаю, что ты слабак, – ответила я. – Я думаю, что ты тоже заложник. Просто твоя тюрьма красивее моей.

Он повернулся и посмотрел на меня так, будто видел впервые.

– Ты странная, Линда.

– Почему?

– Потому что большинство на твоём месте давно бы рыдали и проклинали всех. А ты сидишь здесь, разговариваешь со мной, ищешь во мне что-то хорошее. Зачем?

Я задумалась.

– Наверное, потому что если не искать хорошее, останется только плохое. А с ним жить тяжелее.

Он усмехнулся, но усмешка вышла горькой.

– Ты сильнее, чем думаешь. Знаешь это?

– Не знаю, – честно ответила я. – Но стараюсь быть.

Мы замолчали. Тишина была не тяжёлой, а какой-то... уютной, что ли. Будто мы оба на минуту забыли, кто мы и где находимся.

– Арсений, – позвала я тихо.

– М?

– А что за фотография в кабинете твоего отца? Там двое мужчин. Один из них – он. А второй...

Я не договорила, но Арсений напрягся. Я почувствовала это даже в темноте.

– Ты про ту, где они в чёрном стоят? – спросил он глухо.

– Да.

Он долго молчал. Потом встал, подошёл к кусту сирени, сорвал ветку и начал машинально обрывать листья.

– Это мой дядя. Брат отца. Они когда-то начинали вместе. А потом дядя пропал. Отец говорит – уехал. Но я не уверен.

– Почему?

– Потому что о нём в доме говорить запрещено. Ни слова. Слово его никогда не существовало.

Я похолодела. Вспомнила, как Валерий Петрович смотрел на меня, когда говорил про моего отца. Тот же взгляд. То же выражение лица.

– Арсений, – я тоже встала, подошла ближе. – А твой отец... он мог бы... навредить человеку? Если бы тот его предал?

Арсений резко обернулся. В темноте его глаза блеснули.

– Мог бы. И делал. Линда, о чём ты?

Я покачала головой.

– Пока не знаю. Но чувствую, что все мы здесь связаны. И ниточки эти ведут куда-то очень тёмное.

Он смотрел на меня долго, потом протянул руку и осторожно коснулся моего плеча.

– Будь осторожна, Линда. И если что-то узнаешь... если поймёшь что-то важное... скажи мне. Хорошо?

Я кивнула.

– Хорошо.

Мы стояли так несколько секунд, а потом он убрал руку и отступил.

– Поздно уже. Иди спать. Завтра будет новый день.

– Новый день, – повторила я. – Звучит почти как надежда.

– Или как угроза, – усмехнулся он. – В этом доме никогда не знаешь наверняка.

Он ушёл в темноту, а я осталась стоять, глядя на звёзды и думая о брате, об отце, о фотографии в кабинете. Что-то здесь было не так. Что-то большое и страшное, о чём все молчат.

Я ещё долго стояла в саду, глядя на тёмные окна дома. Где-то там, за одним из них, Алиса перебирает мои вещи. Где-то там Валерий Петрович курит сигару и думает о своих тёмных делах. Где-то там Арсений пытается уснуть, зная, что утро принесёт новые испытания.

А я думала о брате. О маленьком мальчике, который сейчас, наверное, спит в холодной комнате, подкладывая под голову кулак вместо подушки. Я не знала, как именно, но знала одно: я вытащу его. Даже если придётся продать душу.

Ветер качнул ветки сирени, и мне показалось, что кто-то

шепчет моё имя. Или просто показалось.

Я развернулась и пошла в дом. Завтра будет новый день. И я встречу его с открытыми глазами.

Глава 2.3

От лица Алисы

Я никогда не рассказывала эту историю. Никому. Потому что стыдно. Потому что больно. Но сейчас, когда всё позади, я могу.

Моя мать была танцовщицей в ночном клубе. Красивая, легкомысленная, она меняла мужчин как перчатки. Отца я не знала. Она говорила, что он был моряком и утонул. Врала, конечно.

Мы жили в маленькой комнате в общежитии. Я спала на раскладушке, а мать приводила мужиков. Я затыкала уши подушкой и старалась не слышать.

Когда мне было семь, она привела его. Валерия. Он был старше, богаче, приехал на дорогой машине. Мать суетилась вокруг него, как кошка.

– Алиса, иди сюда, – позвала она.

Я вышла, кутаясь в старый халат. Валерий окинул меня взглядом, от которого мне стало не по себе.

– Хорошая девочка, – сказал он. – Сколько лет?

– Семь, – ответила мать.

Он кивнул и ушёл. А через месяц мать сказала, что мы переезжаем. Я обрадовалась – думала, будет лучше. Оказа-

лось, хуже.

Валерий поселил нас в отдельной квартире. Мать была счастлива: деньги, наряды, рестораны. Но она быстро ему надоела. Через год он выгнал её, а меня оставил.

– Ты будешь жить со мной, – сказал он. – Тебе здесь лучше, чем с ней.

Я не понимала, что происходит. Мне было восемь. Я осталась одна в огромном доме, где были слуги, но не было любви. Меня кормили, одевали, учили, но никто ни разу не обнял просто так.

Я пыталась заслужить его внимание. Хорошо училась, не капризничала. Но он смотрел на меня как на вещь. Как на инвестицию.

– Ты должна быть полезной, – говорил он. – Тогда у тебя будет всё.

Я старалась. А внутри росла пустота.

В подростковом возрасте я поняла, что единственный способ выжить – стать такой же, как он. Холодной, расчётливой, жестокой. Я научилась манипулировать, научилась улыбаться, когда хочется плакать.

И когда появилась Линда, я взбесилась. Она получила то, о чём я мечтала всю жизнь – любовь. Арсений смотрел на неё с нежностью, а на меня – с безразличием.

Я решила её уничтожить. Но вместо этого уничтожила себя.

Теперь я понимаю: я не хотела быть монстром. Я просто

не знала, как быть человеком.

Глава 2.4

Алиса сидела на подоконнике в своей новой комнате и смотрела на ночной Тизиан. Город сиял огнями, чужими, холодными, равнодушными. Она сжала в руке бокал с вином, которое стащила из бара, и сделала большой глоток. Вино обжигало горло, но внутри всё равно оставалось пусто.

Зачем он привёз меня сюда? – думала она. – Чтобы снова тыкать носом в мою никчёмность?

Она вспомнила первую встречу с отцом... нет, не с отцом – с человеком, которого велела называть папой. Ей было тогда семь лет. Мать, заплаканная, тащила её за руку по длинному коридору какого-то роскошного дома. А он сидел в кресле, как король, и даже не встал.

– Это твоя дочь? – спросил он, даже не взглянув на неё.

– Да, – прошептала мать. – Её зовут Алиса.

– Красивое имя. Надеюсь, она будет полезнее, чем ты.

Мать исчезла из её жизни через месяц. Алиса осталась одна в огромном доме, где её никто не любил. Ей давали всё: дорогую одежду, лучшие игрушки, частных учителей. Но никто ни разу не обнял её просто так, не поцеловал на ночь, не сказал: «Я люблю тебя».

Она научилась выживать. Научилась улыбаться, когда хотелось плакать, научилась манипулировать, научилась нена-

видеть. Но в глубине души, там, куда никто не заглядывал, жила маленькая девочка, которая мечтала, чтобы её кто-нибудь полюбил.

Появление Линды всё изменило. Эта девушка из ниоткуда, с затравленным взглядом, но с каким-то внутренним стержнем, вдруг стала центром внимания Арсения. Он смотрел на неё так, как никогда не смотрел на Алису. С нежностью, с заботой, с любовью.

Алиса сжала бокал так, что побелели костяшки.

Почему она? Чем она лучше?

Она ненавидела Линду за то, что та получила то, о чём Алиса мечтала всю жизнь. Но где-то очень глубоко она завидовала ей. И боялась. Боялась, что если Линда останется, то Алиса снова станет никем, пустым местом, которое терпят, но не любят.

Она допила вино и поставила бокал на подоконник.

– Я не сдамся, – прошептала она в темноту. – Я тоже хочу быть счастливой. И если для этого нужно уничтожить её... что ж, значит, так тому и быть.

Но даже произнося эти слова, она чувствовала, как внутри что-то протестует. Что-то, что говорило ей: *«Ты не такая. Ты не хочешь быть монстром».*

Она зажмурилась и постаралась заглушить этот голос.

Глава 3

В тот день с самого утра было тихо. Валерий Петрович

сидел в кабинете, Арсений уехал по делам, Алиса где-то ша-стала по дому, а я пыталась читать книгу из местной библио-теки, но слова не складывались. Мысли всё время возвраща-лись к брату.

Звонок в дверь был таким резким, что я вздрогнула.

– Я открою, – крикнула я, потому что прислуга сегодня выходная, а Елена Васильевна, кажется, спала.

Я подошла к двери, повернула ручку и... замерла.

На пороге стояли они.

Отец – небритый, в какой-то грязной куртке, с красными, воспалёнными глазами. Мать – ещё худее, чем раньше, в ста-ром платке, прижимала к груди тощий узелок.

– Линда... – выдохнула мать и шагнула ко мне, будто хо-тела обнять.

Я отшатнулась.

– Вы... вы что здесь делаете?

Отец не смотрел на меня. Он смотрел куда-то внутрь до-ма, на хрустальную люстру в прихожей, на мраморный пол, на картины.

– Мы поговорить, – хрипло сказал он. – С хозяином.

Из кабинета вышел Валерий Петрович. Увидел эту карти-ну и остановился. На его лице не дрогнул ни один мускул.

– Что за люди? – спросил он ледяным тоном, хотя пре-красно понял, кто перед ним.

– Это... это мои родители, – выдавила я.

На втором этаже скрипнула дверь. Я подняла голову и

встретилась взглядом с Алисой. Она облокотилась на перила и смотрела вниз с таким выражением, будто в цирк пришла. Уголки её губ подёргивались в предвкушении зрелища.

– Родители, значит, – Валерий даже не пригласил их войти дальше порога. – И зачем пожаловали?

Отец мой вдруг шагнул вперёд и рухнул на колени. Прямо на этот чистый, дорогой пол. Я зажмурилась. Мне хотелось провалиться сквозь землю.

– Валерий Петрович, – заговорил он дрожащим голосом, – помогите, Христом Богом прошу. Мы там... в Псэле... есть нечего. Землю жуём, прости Господи. Дети голодные. Хоть что-то... Хоть немного...

Я смотрела на него и не верила своим глазам. Этот человек, который когда-то казался мне таким страшным, таким властным, когда стучал кулаком по столу и объявлял, что продаёт меня, – сейчас ползал на коленях перед чужим человеком.

Мать стояла у двери и мелко крестилась, не поднимая глаз.

Валерий Петрович смотрел на отца сверху вниз. Долго. Потом усмехнулся.

– Встань, – сказал он спокойно. – Не позорься.

Отец не встал.

– Валерий Петрович, ну сколько вам... я отработаю...

– Ты? – перебил его Валерий. – Отработаешь? Ты даже себя прокормить не смог, а теперь детей наделал и приходишь

ко мне. Я тебе кто? Благотворительный фонд?

– Да я... мы же с вами когда-то...

– Замолчи, – оборвал его Валерий, и голос его стал тихим и очень опасным. – Не смей даже вспоминать об этом. При живых людях.

Отец заткнулся. Я переводила взгляд с одного на другого и чувствовала, как внутри всё холодеет. Они были знакомы раньше. Работали вместе. И явно не в конторе какой-нибудь.

– Деньги вы получили, – продолжил Валерий. – За дочь. Куда вы их дели – мне плевать. Можете хоть на ветер пустить, хоть пропить. Но больше вы от меня не получите ничего. Ни копейки. А теперь убирайтесь.

– Валерий Петрович...

– Вон, я сказал.

Отец медленно поднялся. Мать всхлипнула и потянула его за рукав.

– Пойдём, – прошептала она. – Пойдём отсюда.

Они пошли к двери. И в этот момент я выдохнула:

– Подождите.

Все обернулись. Я смотрела на Валерия Петровича. Сердце колотилось где-то в горле.

– Можно вас... на минуту? – голос дрожал, но я старалась держаться. – Пожалуйста. Очень нужно.

Валерий прищурился.

– Зачем?

– Я прошу. Пожалуйста.

Он посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом. Потом кивнул.

– Зайди.

Я шагнула за ним в кабинет. И тут же услышала шаги за спиной.

– Я с тобой, – это Арсений. Он только что вернулся и, кажется, уже понял, что произошло что-то страшное.

Я обернулась и посмотрела ему в глаза. Потом покачала головой.

– Не надо. Я сама.

– Линда...

– Пожалуйста, Арсений. Остайся.

Он хотел что-то сказать, но я уже закрыла дверь перед его носом.

В кабинете пахло сигарами и кожей. Валерий сел в кресло, закинул ногу на ногу и кивнул на стул напротив.

– Садись. Слушаю.

Я не села. Я опустилась перед ним на колени. Точно так же, как минуту назад мой отец. Только у меня не было выбора.

– Валерий Петрович, – заговорила я, и слёзы потекли сами, я даже не пыталась их сдерживать. – Я не прошу за себя. Я прошу за брата. Ему семь лет. Он там, с ними. Он голодает. Он умрёт, если его не забрать. Заберите его. Пожалуйста. Я всё буду делать. Всё, что скажете. Только заберите его.

Он молчал. Смотрел на меня сверху вниз, и в его глазах

не было ни капли жалости.

– Линда, – сказал он наконец. – Ты хорошая девочка, я сразу это понял. Но я не детский приют. Мне невыгодно кормить лишний рот. Извини.

– Я отработаю! – выкрикнула я, хватая его за руку. Он не отдернул, но и не ответил на жест. – Я всё буду делать! Убирать, готовить, что угодно!

Он усмехнулся.

– Убирать? Готовить? У меня для этого прислуга есть.

Я замерла. А он смотрел на меня и о чём-то думал. Я видела, как в его глазах что-то меняется. Он не жалел – он прикидывал.

– Хотя... – протянул он медленно. – Есть один вариант.

Я затаила дыхание.

– У меня есть заведения, – продолжил он. – Рестораны. Ночные клубы. Там нужны девушки. Красивые, молодые. Не официантки, понимаешь?

Я не понимала. Или не хотела понимать.

– Какие? – спросила я шепотом.

– Такие, которые умеют нравиться мужчинам, – сказал он прямо. – Которые умеют делать так, чтобы они возвращались снова и снова. Ты красивая, Линда. Очень. Я сразу это заметил.

До меня начало доходить. Медленно, как сквозь вату.

– Вы... вы хотите сказать...

– Я хочу сказать, что содержание мальчика стоит денег.

Много. Ты будешь их зарабатывать. Там, где я скажу. И делать то, что я скажу. Согласна – завтра же привезу твоего брата. Нет – проваливай вслед за родителями и забудь дорогу сюда.

Я смотрела на него и не могла поверить. Этот уважаемый человек в дорогом костюме, с идеальным маникюром, с этой фотографией на стене, где он рядом с какими-то важными людьми... Он был сутенёром.

– Думай, – сказал он и отвернулся к окну. – Я даю тебе два дня. Посиди в комнате, подумай хорошенько. Еду будут приносить. Чтобы никому ни слова – ни Арсению, никому. Иначе сделка аннулируется, даже не начавшись. Послезавтра утром придёшь и скажешь решение.

Я поднялась с колен. Ноги не слушались. В голове гудело.

Я вышла из кабинета. В коридоре было пусто. Я почти дошла до лестницы, когда из гостиной вылетел Арсений.

– Линда! – он схватил меня за руку. – Что он сказал? Почему ты плачешь?

Я выдернула руку.

– Ничего. Отойди.

– Не ври мне! – голос его стал жёстче. – Я видел твоих родителей. Видел, как ты за ним пошла. Что он тебе предложил?

– Ничего, Арсений. Отстань.

– Линда!

Он загородил мне дорогу. В его глазах горело что-то, чего

я раньше не видела – злость, отчаяние, страх.

– Я не отстану, – сказал он тихо, но твёрдо. – Ты думаешь, я не понимаю? Думаешь, я не знаю своего отца? Он никогда ничего не делает просто так. Если он позвал тебя в кабинет – значит, что-то задумал. Говори.

– А что ты сделаешь? – выкрикнула я в лицо ему. – Пойдёшь к папочке и попросишь меня не трогать? Он тебя слушает? Ты сам говорил, что выхода у тебя нет! Ты сам сказал, что ты заложник! Что ты можешь сделать, Арсений? Что?

Он побелел. Отшатнулся, будто я ударила его.

– Я... я хотя бы попытаюсь.

– Поздно пытаться, – я выдохнула и пошла вверх по лестнице. – Всё уже решено.

– Линда! – крикнул он мне в спину. – Не смей! Не смей делать глупости!

Я обернулась. Он стоял внизу, сжимая кулаки, и смотрел на меня так, будто я ухожу навсегда.

– А что ты называешь глупостью? – спросила я тихо. – Спасать брата? Или доверять кому-то, кто сам ничего не может?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.